

Никита Толстой сыграл в кино своего великого деда

Посольство Словацкой Республики показало москвичам новый художественный фильм режиссера Яро Рихака "Альберт, Альберт", снятый по "Запискам" Альберта Шкарвана (1869 — 1926), словацкого врача, переводчика, публициста и — что интересно — нас больше всего — личного друга Льва Николаевича Толстого. В роли великого русского писателя снялся его внук академик-славист Никита Ильич Толстой.

Альберт Шкарван, убежденный толстовец, жил в труднейшее для Словакии время, когда в 60 — 70-е годы шла последовательная ассимиляция словацкого народа, в 70-е годы закрылись три последние гимназии, где преподавание велось на словацком языке. Прогрессивная молодежь зачитывалась Толстым, писала ему письма. И вдруг два выпускника медицинского факультета Карлова университета словаки Душан Маковицкий и Альберт Шкарван получили ответ лично от своего кумира.

Маковицкий стал семейным доктором Толстых, пробыв со Львом Николаевичем до последней минуты его жизни. Шкарван прожил в Ясной с лета 1896 года по февраль 1897-го. В России последователи Толстого все были на заметке. Эмигрировал в Англию В.Г. Чертков, в это же время покинул Россию и Шкарван. Кстати, и сам Толстой подумывал тогда перебраться в Словакию и даже просил Маковицкого приехать посмотреть какое-нибудь подходящее жилье.

Шкарван еще при жизни Толстого перевел на русский

язык первые словацкие тетради Маковицкого о жизни в Ясной Поляне. А в его переводе на словацкий в 1899 году вышло одно из первых бесцензурных несокращенных заграничных изданий "Воскресения".

Образ загадочного и одновременно трогательно-наивного толстовца в фильме "Альберт, Альберт" убедительно создал актер Янош Бан. Ну а работа Никиты Ильича Толстого просто восхищает своей неожиданностью и, конечно же, привносит в фильм момент экзотики. И главное, в тот момент, когда после многих гнетущих лет не больно-то мы интересны чехам и словакам, благодаря произведению искусства словно бы появился свет в конце тоннеля.

Никита Ильич Толстой, выступив перед просмотром, неожиданно подробно рассказал и о своей "кинематографической карьере", и о значении, которое, на его взгляд, имеет новый фильм.

"Однажды я вместе с женой очень спешил в Институт славяноведения на важное заседание. Вдруг в переходе с "Третьяковской" на "Новокузнецкую" ко мне подошел молодой человек приятного вида и стал уговаривать меня появиться на "Мосфильме". Я бы отогнал его, я ведь своей жене немного побаиваюсь и уже представлял себе, как она будет меня ругать: "Ну вот, ты опять опоздал в институт!"

Но молодой человек был так любезен, что я дал ему свой телефон. В результате я снялся в роли митрополита в фильме Бондарчука "Борис Годунов". Вся прелесть моего положения тогда состояла в том, что

никто до конца съемок так и не знал ни моего имени, ни моего непролетарского происхождения. Я там даже сделал маленькую карьеру — сначала в сценах в Крутицком подворье был простым монахом, а потом дошел до митрополита... Позже мне предложили сыграть роль Пимена, но на это у меня не хватило нахальства.

Когда у советника словацкого посольства Милана Токара возникла идея моего участия в фильме "Альберт, Альберт", я, во-первых, все-таки уже обладал этим небольшим опытом работы в кино. А во-вторых, я люблю Словакию. Правда, всю жизнь специализируюсь на южных славянах, но всегда считал это односторонностью, старался читать все работы, касающиеся близости южно- и восточно-славянской культур. Я считаю, что Словакия географически является культурным центром славянства, еще недостаточно изученным. Недавно вышедший двухтомник о словацкой культуре ярко об этом свидетельствует.

Уж не знаю, понравится ли зрителям моя работа в фильме "Альберт, Альберт", но, думаю, все отметят, например, как тонко его авторы подобрали натурку для съемок. Ведь яснополянские сцены снимались в Словакии, а природа так похожа на тульские, калужские места. Приятно было, насколько вдумчиво и грамотно режиссер фильма Яро Рихак "прочитал" текст — и книгу самого Шкарвана, и записки Душана Маковицкого.

Я никогда не выступаю о Толстом, просто не считаю себя вправе говорить о нем. Но, конечно, меня всегда притягивала его личность, его жизнь. И

очень интересовали его отношения со словаками. Незадолго до смерти Льва Николаевича его навещил профессор Мартинович, который задал ему вопрос (это было накануне Балканской войны): "Как вы относитесь к Словакии?" Толстой ответил: "Я прежде всего не славянофил. Но я верю и чувствую, что славянство — это то, что даст миру многое и неожиданное. С детства меня воспитывали в неприязни к полякам, но потом я понял, что я не прав, что они мне близки".

И все же ближе всего Льву Николаевичу были словаки. Мы чрезвычайно обязаны Душану Петровичу Маковицкому, замечательные записки которого о Толстом изданы ныне в пяти томах. Душан Петрович, проработавший яснополянским врачом до 1920 года, вел себя просто невероятно: он записывал все беседы за столом, за чаем, вел нечто вроде дневника. Кое-что из разговоров фиксировал прямо в кармане, где всегда носил наготове блокнот и карандаш. Маковицкий был очень близок Льву Николаевичу. Он был единственный человек, которому позволялось жить в "основном" доме. А ведь Толстой не допускал туда жить даже своих сыновей!

Круг яснополянского чтения, которым руководил Лев Николаевич, предполагал изучение ряда народных легенд. И оба словака — и Шкарван, и Маковицкий — предоставляли ему немало материала.

В свою очередь Душан Маковицкий показал Ясную Поляну как место, через которое прошла Россия — интеллигенция, разночинцы, купечество, крестьянство, — вся Россия! В его за-

писках очень это чувствуется.

Задумываясь над тем, какой путь прошли два врача-словака — Душан Маковицкий и Альберт Шкарван, — я прихожу к выводу, что есть смысл следить за судьбами людей. Это ведь не голая наука. Это то, чего нам всем так не хватает".

Перелистывая материалы о Шкарване и Маковицком, нашла давно отмеченную на полях цитату из письма Толстого Душану Петровичу: "Не унывайте в том, что жизнь ваша не такая, какою бы вы желали ее видеть. Это участь всех тех, кто стремится к христианскому совершенству. Страшно не то, чтобы не достигнуть того, чего для себя, для своей души хочешь, а страшно то, чтобы, не достигнув этого, перестать хотеть этого".

Наталья ЗИМЯНИНА.

На снимках: Альберт Шкарван и Душан Маковицкий, 1896 г.; советник посольства Словакии Милан Токар представляет Никиту Ильича Толстого в качестве... кинозвезды.

Фото
Виктора СМОЛЬЯНИНОВА.

